ЭММА

Марк Рейвен
Эмма

https://litres.ru/75010557
SelfPub; 2026

Аннотация

Эмме Волковой двенадцать лет. Четыре месяца назад её родители пропали — официально «в командировке по особому проекту», неофициально никто ничего не говорил. А потом Эмма открыла дверь своей комнаты и вместо кухни попала в гостиную, где её только что не было. Так начались переходы — и путешествие по местам, где была мама.

Вместе с подругой Кирой и загадочным сторожем дверей Тёмой.Эмма учится правилам мира, в котором двери ведут туда, где ты была, а тишина умеет защищать лучше стен. Она найдёт мамины подсказки, поставит первый тихий заслон, соберёт карту тишины — и поймёт, что настоящая сила держится на трёх опорах: на памяти, на друге и на тишине, которая не боится шума.

Для читателей от 10 лет. Тёплая городская фантастика о смелости быть собой.

Содержание

Аннотация 5
Оглавление 6
Глава 1. Дверь, которая не должна была открыться 8
Глава 2. Дневник мамы и странный ключ 11
Глава 3. Второй переход и паника 14
Глава 4. Тренировки и первый клиент 18
Глава 5. Кафе «Клюква», или Свидание с прошлым 22
Глава 6. Кленовая улица, или Точка входа не спит 27
Глава 7. Тренировки по-эмминому, или Как не упасть лицом в пудинг 32
Глава 8. Переход вдвоём, или Когда тень становится мальчиком 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Эмма

ЭММА

«Тишина, которая не боится шума»

Аннотация

Эмме Волковой двенадцать лет. Четыре месяца назад её родители пропали — официально «в командировке по особому проекту», неофициально никто ничего не говорил. А потом Эмма открыла дверь своей комнаты и вместо кухни попала в гостиную, где её только что не было. Так начались переходы — и путешествие по местам, где была мама.

Вместе с подругой Кирой и загадочным сторожем дверей Тёмой Эмма учится правилам мира, в котором двери ведут туда, где ты была, а тишина умеет защищать лучше стен. Она найдёт мамины подсказки, поставит первый тихий заслон, соберёт карту тишины — и поймёт, что настоящая сила держится на трёх опорах: на памяти, на друге и на тишине, которая не боится шума.

Для читателей от 10 лет. Тёплая городская фантастика о смелости быть собой.

Оглавление

Глава 1. Дверь, которая не должна была открыться
Глава 2. Дневник мамы и странный ключ
Глава 3. Второй переход и паника
Глава 4. Тренировки и первый клиент
Глава 5. Кафе «Клюква», или Свидание с прошлым
Глава 6. Кленовая улица, или Точка входа не спит
Глава 7. Тренировки по-эмминому, или Как не упасть лицом в пудинг
Глава 8. Переход вдвоём, или Когда тень становится мальчиком
Глава 9. Знаки и пуговица, или Как бабушка бросила одну фразу и всё перевернулось
Глава 10. Тёплый ключ и правило трёх «не»
Глава 11. Цена двери, или Когда тишина говорит громче крика
Глава 12. День без дверей, или Как собрать себя по кусочкам
Глава 13. День, когда не надо никуда спешить
Глава 14. Пуговица с молнией
Глава 15. Мальчик у калитки
Глава 16. Трещина в отражении и тень, что легла не туда
Глава 17. Зеркало из переплетённых теней
Глава 18. Стрелка из памяти

Глава 19. Листок, которого не было
Глава 20. Разговор на кухне и шаг вперёд
Глава 21. Минута, когда мама впервые увидела дверь
Глава 22. Сила, которая служит не только тебе
Глава 23. Тихие заслоны
Глава 24. Заслон, который устал
Глава 25. Пятна на карте
Глава 26. Точка входа
Глава 27. Возвращение
Эпилог. Пуговица с другой стороны

Глава 1. Дверь, которая не должна была открыться

У Эммы Волковой был список того, что она терпеть не могла. Писала она его в конце тетрадки по природоведению, под списком полезных ископаемых. На первом месте — рыбные котлеты в столовой. На втором — когда кто-то громко вздыхает прямо над ухом на контрольной. На третьем с прошлой недели прочно обосновался Лёша Марков.

— Волкова! — Лёша щёлкнул пальцами у неё перед носом. — Ты опять в облаках? Тебя три раза спросили.

— Я думала, — буркнула Эмма.

— О чём? О домашке?

— О том, как сделаю домашку. И тебе её покажу. В виде сочинения.

Лёша хохотнул и начал объяснять соседу, что Эмма угрожает ему сочинением, а это вообще-то страшная штука. Эмма старательно смотрела в тетрадь и думала не про сочинение и не про математику, а про то, что папа опять не позвонил вечером.

Родители пропали четыре месяца назад. Официально — «отправлены в командировку по особому проекту». Неофициально — никто ничего не говорил, а если Эмма спрашивала, взрослые делали лицо, как будто она спросила про по-

году на Марсе.

Дома бабушка Нина заваривала чай и делала вид, что всё в порядке. Бабушка умела делать три лица: «всё в порядке», «я всё знала заранее» и «кто съел последний пирожок». Сегодня было первое, но слегка подделанное, как купюра.

— Ты бледная, — сказала она, ставя перед Эммой чашку. — Пойдём к врачу?

— Просто устала.

— Ага. Устала. В двенадцать лет. Знаю я эту усталость.

Эмма кивнула, чтобы не спорить. Кивать было проще всего. Она вообще считала, что кивать — недооценённый вид спорта.

В половине восьмого бабушка ушла к себе смотреть сериал про врачей, и в квартире стало тихо. Слишком тихо. Таким тишина бывает только когда все ушли, а ты — нет.

Часы на кухне тикали. Холодильник гудел. Где-то в стене щёлкнула труба.

«Хочу, чтобы меня здесь не было», — подумала Эмма. И сама испугалась этой мысли. Но она уже вышла из-под контроля, как тюбик с пастой, который выдавили до конца.

— Хочу оказаться где-нибудь ещё, — прошептала она. — Где тихо. Где никто не спрашивает про домашку. Где не пахнет рыбными котлетами.

Она встала, взялась за ручку двери своей комнаты — выйти на кухню, к свету, к бабушке, к нормальной жизни.

Кухни не было.

Эмма стояла в гостиной. У книжного шкафа, на полке которого стояла папина любимая книга про полярников. Было темно, только полоска света из коридора лежала на полу, как вырезанная линейкой.

За спиной щёлкнула дверь её комнаты. По коридору пошли шаги. Бабушкины. Спокойные, в тапочках, со скрипом на правой ноге.

— Эмма, ты где? Чаю налить?

— Сейчас, — хрипло отозвалась Эмма. — Я тут. То есть я там. То есть я вообще-то…

— Говори проще, — сказала бабушка. — У тебя от голода мысли путаются.

Эмма вернулась в свою комнату, села на кровать и долго слушала, как бабушка гремит чашками. И думала одну мысль, как заклинание: «Так не бывает. Так не бывает. Так не бывает».

А потом ей пришла в голову вторая мысль, похуже:

«Бабушка прошла по коридору ровно через пять секунд после того, как я встала у двери. Если бы она вышла из гостиной — она бы меня увидела. Значит, она вышла из кухни. Кухни, куда я собиралась попасть».

Эмма решила не додумывать эту мысль до конца. По вечерам опасно додумывать мысли до конца. Они с ними потом всю ночь не спят.

Глава 2. Дневник мамы и странный ключ

Утром Эмма почти убедила себя, что всё это был сон. Почти — потому что, проходя мимо двери, она остановилась и посмотрела на неё так, как смотрят на собаку, которая вчера вдруг заговорила.

В школе Лёша не приставал: у него нашлась новая жертва и новая шутка про столовые котлеты. Эмма была только рада.

— Ты чего смурная? — спросила Кира, грызя ластик. — Лёша?

— Не Лёша.

— Тогда что?

Эмма открыла рот. Закрыла. Открыла снова. В голове крутилось: «Я вчера открыла дверь и оказалась в гостиной, а до этого не выходила из комнаты». Это можно было сказать только человеку, которого потом посадят за соседнюю парту к учителю физкультуры для профилактики.

— Забыла дома дневник, — сказала она.

— С ночи? — удивилась Кира. — Дневник с вечера забывают?

— Я очень старалась.

Дома после уроков Эмма сделала одну вещь, о которой по-

том долго не жалела: пошла в кладовку. Не убираться. Просто в кладовке пахло домом — старым деревом, пылью и мандаринами из позапрошлого Нового года, которые бабушка держала на полке «на всякий случай».

Она разгребала стопку одеял, когда наткнулась на коробку. Не бабушкину — сразу было видно. Скотч на углах был наклеен ровно, как клала мама. А на крышке был листок с надписью маминым быстрым почерком:

«Эмме. Не открывать без причины».

Эмма посидела с этой коробкой на коленях примерно минуту. Причина у неё имелась. Причина была размером с её собственную жизнь за последние четыре месяца.

Внутри лежала тетрадь — тёмно-синяя, с твёрдой обложкой, в чайных пятнах. И ключ. Латунный, маленький, но не такой, как от квартиры: скважина у него была с тремя ступеньками, будто замок придумал кто-то, кто очень не хотел, чтобы ключ подошёл не туда.

Эмма открыла тетрадь. Мамин почерк. Тот самый, каким мама писала записки на холодильнике.

На первой странице было: «Репетиция перехода № 3. Пройдено расстояние: 4,2 метра. Побочный эффект: слабость, дезориентация до 10 минут. Не повторять без страховки».

Дальше — формулы. Схемы. Эмма смотрела на схему их квартиры, нарисованную как план метро: гостиная — «станция 1», коридор — «переход», комната Эммы — «станция

2». Их комната. С ЕЁ кроватью.

На полях крупно, подчёркнуто дважды:

«Если станет совсем плохо — помни про дверь. Дверь откроется сама. Не бойся её. Но помни: она ведёт туда, где ты БЫЛА. Пока — только туда».

Эмма закрыла тетрадь и посидела на полу среди ботинок и мандариновых коробок.

«Дверь ведёт туда, где ты была. Вчера я была в своей комнате. А оказалась в гостиной. В гостиной я тоже была — но не в тот момент. И не вчера».

«Пока — только туда».

— Пока, — сказала Эмма вслух. — Интересно, а «пока» — это до какой степени?

Тетрадь не ответила. Тетради вообще редко отвечают, но Эмма на всякий случай прислушалась.

Потом она отнесла находку в свою комнату и спрятала в ящик стола, под свитером. Ключ положила в шкатулку, где хранила самое важное: билет с концерта, на который они собирались всей семьёй, и мамин брелок в виде кита.

И впервые за четыре месяца ей стало не одиноко, а — любопытно. А любопытство, как знала Эмма, было мамино. И, судя по маминой тетради, мамино любопытство доводило семью до репетиций переходов. Так что потенциально это было и опасно.

Глава 3. Второй переход и паника

В четверг вечером Эмма решила провести эксперимент. Не потому что была смелой — потому что не могла сидеть и ждать, пока дверь сама решит, когда ей открываться.

Бабушка ушла к соседке тёте Зое смотреть сериал и обсуждать соседей, то есть обсуждать сериал. Эмма осталась одна. Она достала мамин дневник, перечитала схему, глубоко вздохнула и встала посреди комнаты.

— Так, — сказала она вслух, чтобы звучало увереннее. — Эксперимент номер один. Место: кухня. Я там была примерно шесть тысяч раз. Прямо сейчас там никого нет. Дверь…

Она взялась за ручку. Открыла.

За дверью была кухня. Их кухня! С кастрюлей на плите, с маминым календарём на холодильнике за прошлый год, который бабушка не снимала, потому что «календарь — это память, а не бумажка».

Эмма стояла посреди кухни и не могла надышаться. В ушах звенело, как после качелей, колени были из пудинга, но — она это точно знала — пудинг был победный.

— Один раз, — сказала она. — Один раз — это эксперимент. А эксперименты — это то, что отличает нас от растений.

Это была папина фраза. Папа говорил её перед каждым своим знаменитым домашним опытом, после которого один

раз перестал работать пылесос, а второй раз в ванной неделю пахло уксусом.

И тут хлопнула входная дверь.

Эмма окаменела. Бабушка не могла — она у тёти Зои до девяти. А было только шесть тридцать.

По коридору пошли шаги. Не бабушкины. Тяжёлые, неторопливые, как будто человек пришёл не спешить ни сейчас, ни потом, ни вообще никогда.

— Есть кто-нибудь дома? — голос был спокойный, почти вежливый. Слишком спокойный. Так бывают спокойны только те, кто заранее знает, что ответят. — Эмма Волкова?

Он знал её имя. Фамилию. Целиком.

Эмма метнулась в свою комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Сердце стучало так, что слов снаружи было не разобрать.

— Эмма, — снова позвали. — Не бойся. Мне нужно только поговорить. Про твоих родителей.

«Только поговорить». В сериале бабушки так говорили люди, которые потом оказывались либо киллерами, либо пропавшими братьями. Эмма не хотела быть ни тем, ни другим.

Она оглядела комнату. Окно — второй этаж, под ним козырёк подъезда, по которому она никогда не прыгала и собиралась не прыгать до самой пенсии. Другого выхода нет.

И тогда она вспомнила про школу. Не про школу вообще, а конкретно: коридор второго этажа, оранжевый кафель,

шкафчик с наклейкой «Э. Волкова, 5-Б», запах столовой, который въелся в стены навсегда.

Она была там тысячи раз.

— Дверь, — прошептала она. — Веди меня в школу. В коридор. Там, где мой шкафчик. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Она схватилась за ручку и открыла.

За дверью был коридор. Но не её.

Кафель был не оранжевый, а зелёный. Шкафчики стояли ниже, с подозрительно блестящими боками, как будто их только что отполировали. Наклеек не было вовсе. И пахло не столовой, а озоном — как в грозу, только чище и резче. Тот самый запах, который обещала мамин дневник.

Эмма обернулась. За спиной не было двери. Была гладкая светло-серая стена, без единого шва, будто её отлили целиком, как кусок мыла.

— Ты была здесь? — прошептала она. — Я никогда тут не была!

Где-то внизу коридора послышались шаги. Много шагов. Ровных, одинаковых, как метроном. Как будто шла не толпа людей, а один очень длинный человек.

Эмма вжалась в стену. В голове стучало: «Дверь ведёт туда, где ты была. А я тут не была. Никогда!»

Или была?

Может, это мама ходила сюда — и по маминым следам теперь ходит дверь?

Шаги приближались.

Глава 4. Тренировки и первый клиент

По правилам Эммы Волковой, тренироваться нужно было тайно, тихо и аккуратно.

По факту всё вышло наоборот.

Первый серьёзный опыт случился в субботу утром. Бабушка Нина стояла в ванной и стирала что-то шипящее — судя по звукам, шипело всё сразу. А Эмме нужно было, наоборот, в свою комнату, потому что там на кровати лежал мамин дневник, а заходить в ванную, когда бабушка стирает, было опасно для жизни.

— Только не туда, только не туда, — бормотала Эмма, пробегая мимо двери ванной.

И конечно — как раз в этот момент дверь распахнулась сама. Эмма моргнула — и оказалась в шкафу. В бабушкином шкафу, среди пальто и вешалок.

Снаружи раздалось:

— Ага! Втихаря хлеб в ванной ешь, значит!

— Я не ела! — честно крикнула Эмма из-под пальто. И с ужасом поняла, что бабушка кричит… в ванную. То есть бабушка не видела, как Эмма в шкафу залезла. Бабушка видела, что Эмма «была в ванной».

— У меня же всё как на ладони! — пригрозила бабушка.

— У тебя в шкафу вешалка зацепилась за меня за голову! — хотелось крикнуть Эмме. Но она промолчала и тихонько выползла.

Вот тут она поняла самое важное: переход не спрашивает разрешения. Он случается, когда хочет он, а не когда ты.

Вечером Эмма села с дневником и завела новую тетрадь. На обложке написала большими буквами: «СЕКРЕТНО. НЕ ЧИТАТЬ. ОСОБЕННО ТЕБЕ, ЛЁША МАРКОВ». (Лёша никогда не заходил к ней домой, но предупредить было нелишне.)

Внутри появился список. Назывался он «Правила двери».

Дверь работает, только если очень плохо, страшно или сильно-сильно хочешь. Просто так — нет.

Дверь ведёт туда, где ты была. Если была смутно — приведёт в «что-то похожее». А «похожее» может означать что угодно. Например, шкаф.

После перехода ноги как из пудинга. Голова звенит. Есть хочется как будто не ела неделю.

Дверь имеет характер. Она открывается, когда захочет, и не открывается, когда ты хочешь. (Этот пункт был выведен опытным путём уже к обеду.)

В воскресенье Эмма решила поставить эксперимент. Наука. Бабушка как раз уехала на дачу за рассадой.

— Эксперимент номер один, — сказала Эмма вслух и вписала это в тетрадь. — Цель: перейти на кухню.

Она встала у своей двери, закрыла глаза и представила

кухню так, как представляла место в дурацких тестах «опиши свою комнату»: кастрюля на плите, мамина кружка с ракушкой, холодильник с календарём за прошлый год.

— Дверь, — попросила она почти ласково. — Ну, пожалуйста. Кухня. Ты же знаешь кухню. Мы там завтракаем.

Она открыла.

И попала на кухню. Настоящую! С кастрюлей! С кружкой! С календарём!

— ДА! — закричала Эмма. — Есть! Ура! Я гениальна!

А потом со стороны входной двери раздался ключ в замке. Бабушка. Забыла кошелёк. Вернулась за две минуты после триумфа.

— Эмма?! — Бабушка стояла на пороге, держа в руках пустой кошелёк и очень подозрительный взгляд. — Я уехала четыре минуты назад. Ты же говорила, что уезжаешь к Кире!

— Я передумала, — сказала Эмма. Ей понадобилось четыре секунды, чтобы сообразить, что она уже десять минут как «уехала к Кире». — То есть… я вернулась. То есть я не уезжала. То есть…

— Ничего не понятно, — сказала бабушка, но уже спокойно. И вдруг прищурилась. — И почему у тебя пахнет… — она понюхала воздух. — Озоном? Как перед грозой?

— Я вчера на улицу выходила, — быстро сказала Эмма. — Там было свежо.

Бабушка ещё секунду смотрела на неё. А потом сказала то, от чего у Эммы внутри всё перевернулось:

— Странно. Озоном у нас всегда пахло в детской, когда твоя мама была маленькая. И у себя в комнате. Причём безо всякой грозы. Я тогда думала — проводка. А проводка-то в порядке.

И ушла на кухню за кошельком. А Эмма осталась стоять и думать: значит, мама чувствовала то же самое? И бабушка видела? И молчала четыре месяца, потому что боялась сказать?

Вечером в тетрадь «СЕКРЕТНО» появилась новая строчка, пятая по счёту:

Бабушка Нина знает больше, чем говорит. Провести проверку. Осторожно. Без смущения из шкафа.

Глава 5. Кафе «Клюква», или Свидание с прошлым

Список Эммы назывался «Где были родители, а я не была». Он был короткий и странный:

— Кафе «Клюква» — мама писала про него в дневнике три раза. Подчёркнуто. — Старый дом на Кленовой улице. Мамина схема: «точка входа». — Научный центр. Закрыт. Охрана. Пока пропустить.

С «Клюквой» всё было проще всего: это кафе в двух трамвайных остановках от дома, и Эмма там один раз была — в день рождения, когда ей исполнилось восемь. Но в дневнике мама писала про «Клюкву» не как про кафе. Она писала так:

«Встреча с Р. в „Клюкве“. Столик у окна, тот самый. Он сказал: „Вы понимаете, что открываете?“ Я сказала, что понимаю. Это была ложь».

Эмма перечитала это раз десять. Кто такой Р.? Что «открываешь»? И почему это надо было писать в дневник с переходами?

В среду после школы она сказала Кире, что задержится, и поехала на трамвае. «Клюква» оказалась ещё более клюквенной, чем в памяти: зелёные стены, окна, затянутые занавесками, и вывеска с нарисованной клюквой, у которой были подозрительно злые глаза.

Внутри пахло ванилью и — Эмма напрягла нос — чуть-чуть озоном. Она сразу села за столик у окна. Тот самый, наверное. Мамин.

— Вам что-нибудь? — подошла официантка. Девушка с пирсингом и усталыми глазами, но добрыми.

— Какао, — сказала Эмма. Это было всё, что у неё было в кармане. Двадцать три рубля на трамвай обратно оставались неприкосновенны.

Она сделала вид, что изучает меню, а на самом деле осматривалась. И тогда она увидела это.

На стене за её столиком висела фотография. Обычная, чёрно-белая, лет двадцать назад: молодые люди на улице, смеются. И среди них — две фигуры, от которых у Эммы перестало сжиматься сердце. Мама. Папа. Совсем молодые, со смешными причёсками. Мама держала в руках стакан сока, а папа показывал пальцем куда-то за кадр — туда, где ничего не было видно.

Под фотографию была приклеена табличка: «Наши постоянные гости, 2009».

И мелким почерком от руки подпись: «Всегда садились за этот столик. Говорили, что тут „сильнее слышно“».

«Сильнее слышно».

Эмма положила ладонь на стол. Дерево было тёплое. И вдруг она услышала. Не ушами — как будто под кожей ладони. Тихий, ровный звук, как будто где-то далеко-далеко шумит поезд. Или море. Или — она не знала, как ещё это на-

звать, — как будто в стене дышит что-то огромное и спящее.

— У тебя ладони мёрзнут? — официантка вернулась с какао. — У нас тут к зиме батареи слабые стали.

— Нет, я… — Эмма не знала, как объяснить. — Здесь что-то гудит. Под столом.

Официантка наклонилась. Послушала. И Эмма увидела, как у неё самих расширились глаза.

— Батарея? — тихо спросила Эмма.

— Тут нет батарей, — сказала официантка совсем тихо. — Здесь трубы нет. Я здесь работаю четвёртый год. И впервые слышу.

Они посмотрели друг на друга.

— А раньше тут кто-нибудь сидел? — спросила Эмма. — Вот за этим столиком? Мама и папа, двое. Учёные.

Официантка посмотрела на фотографию на стене, потом на Эмму. Потом снова на фотографию.

— Ты… на неё похожа, — сказала она. — Точнее, на ту, что держит сок.

— Это моя мама, — сказала Эмма. — Она пропала. Четыре месяца назад. Вместе с папой.

Официантка села напротив, не спрашивая. Сняла фартук, положила на стол.

— Меня зовут Марта. И если ты сидишь за этим столиком и слышишь гудение — тебе пора об этом знать. — Она наклонилась ближе. — Они приходили сюда каждую пятницу. Двое всегда. Потом третий — тот, кого они звали «Р.» —

стал приходить один. И однажды сказал мне: «Если придёт девочка, похожая на одну из них, дай ей вот это». И оставил конверт.

Эмма замерла.

— Конверт? Когда?

— Год назад, — сказала Марта. — Он сказал: «Когда девочка найдёт этот столик сама — и когда столик заговорит. Пока столик молчит — конверт не отдавать. Понял? Понять — обязательно». И вы будете смеяться, но я тогда не поняла ни слова. А сегодня… — она посмотрела на стол. — Столик заговорил.

Она достала из кармана фартука — она почему-то носила его в фартуке, как в сейфе — жёлтый конверт. Совсем простой, без марки и без адреса. Только на нём было написано:

«Эмме Волковой. Только если гудит».

— Гудит, — прошептала Эмма.

Она разорвала конверт. Внутри была одна строчка, написанная знакомым мелким почерком — мама писала так же на записках на холодильнике:

«Не ходи на Кленовую одна. Никогда одна. Точка входа там не спит».

Эмма подняла глаза. За окном «Клюквы», за мутным стеклом, через дорогу, она увидела мальчика. Примерно её возраста, в серой куртке. Он стоял и смотрел прямо на неё. Не на окно — на неё. И смотрел он так, будто знал её всю жизнь.

Эмма моргнула.

Мальчика не было.

На его месте стоял почтовый ящик. Просто ящик. Обычный, синий, железный. Он не мог стоять на месте мальчика — но стоял.

— Что? — спросила Марта, увидев её лицо.

— Ничего, — соврала Эмма. — Споткнулась.

Она доела какао одним глотком, попрощалась и вышла. Почтовый ящик на том месте, где стоял мальчик, смотрел на неё пустыми прорезями для писем.

Дома, у себя в комнате, она вписала в тетрадь «СЕКРЕТНО»:

Мальчик в серой куртке. Превращается в почтовый ящик. Или ящик притворяется мальчиком. Или я устала.

Кленовая улица. Никогда одна. Значит, нужна Кира. Или Лёша. (Лучше Кира. Лёша расскажет всему классу, что я поверила в почтовый ящик.)

И замерла. Потому что внизу, в шкатулке, где лежали билеты и мамины мелочи, что-то тихонько звякнуло. Латунный ключ, лежавший на самом дне, поднимался вверх и падал. Сам. Как будто дрожал от нетерпения.

Глава 6. Кленовая улица, или Точка входа не спит

Эмма твёрдо решила: на Кленовую она пойдёт не одна. И не с Лёшей Марковым — он по дороге расскажет всем встречным, что «Эмма ищет секретную дверь, потому что её родители — шпионы».

Оставалась Кира.

— Ты уверена? — спросила Кира, когда Эмма вполголоса пересказала ей про конверт, про «точку входа» и про то, что «точка не спит». — Потому что звучит как квест, где в конце нас выгоняют из подъезда за «вы тут не живёте».

— Уверена, — сказала Эмма. — Почти.

— Ладно, — вздохнула Кира. — Но если нас выгонят, я скажу, что это ты придумала. Я просто шла мимо.

На Кленовой улице дома стояли так, будто им было тесно, но они не хотели ссориться. Старые, с облупившейся краской, с окнами, которые смотрели на прохожих строго, как учителя на списывающих.

Дом номер 12 был самым строгим. На нём даже табличка висела косо — будто специально, чтобы никто не понял, какой это дом.

— Вот она, — прошептала Эмма. — «Точка входа». Мама так написала.

Кира посмотрела на дверь подъезда. Обычная железная, с кнопкой домофона, которая не работала, и с наклейкой «Не хлопать — нервы у всех».

— И что мы делаем? — спросила Кира. — Звоним в каждую квартиру и спрашиваем: «А у вас тут точка входа не спит?»

— Не надо в каждую, — сказала Эмма, хотя сама не знала, что надо. — Надо… почувствовать.

Она закрыла глаза и прислушалась. Не к шагам, не к машинам, а к тому тихому гулу, который иногда появлялся, когда рядом была дверь. Как будто под асфальтом ехал невидимый поезд.

И вдруг она почувствовала запах. Озоновый, резкий, как перед грозой. Только не по всему двору — а узкой дорожкой, как будто кто-то пролил его от подъезда до третьего окна.

— Тут, — выдохнула Эмма. — Тут что-то есть.

Она шагнула к двери. И в этот момент дверь сама приоткрылась — чуть-чуть, на ширину пальца. Будто кто-то изнутри подтолкнул.

— Это ветер, — быстро сказала Кира. — Ветер. Точно ветер.

— Точно, — кивнула Эмма. Хотя ветра не было. Листья на кустах висели неподвижно, как приклеенные.

Они вошли в подъезд. Внутри пахло пылью, старыми газетами и — снова — озоном. Пахло так сильно, что казалось, будто этот запах можно потрогать.

Лестница была тёмной, с лампочкой, которая мигала, как нервная. На стене кто-то написал мелом: «Не ходи туда». Под надписью — стрелка. Вниз.

— Подвал, — прошептала Кира. — Я читала, что в подвалах живут коты и тайны. Котов я люблю. Тайны — не очень.

Но Эмма уже спускалась. Ступеньки скрипели, как старые качели.

Внизу была железная дверь. Не обычная, а с круглым окошком, как на корабле. И на ней — табличка: «Вход только по пропускам». Только буквы были не совсем буквами. Они будто плыли, как в воде: если смотреть прямо — одни, если сбоку — другие.

Эмма наклонилась, чтобы прочитать. И вдруг услышала голос. Не из подвала. А прямо из стены.

— Не трогай, — сказал голос. Тихий, но очень серьёзный. — Точка не спит. Она чувствует, когда её зовут.

Эмма отдёрнула руку.

— Ты слышала? — спросила она у Киры.

Кира смотрела на неё круглыми глазами.

— Слышала что?

— Голос. Из стены. Сказал: «Точка не спит».

Кира медленно покачала головой.

— Я слышала только, как эта дверь скрипит. И как у меня сердце стучит.

«Она не слышит», — поняла Эмма. «Голос говорит только мне».

И тут дверь с окошком сама начала открываться. Не рывком, а медленно, как будто не хотела пугать. За ней была темнота. Но не обычная. В этой темноте что-то двигалось — как будто тени ходили по кругу, не касаясь пола.

Из темноты пахнуло холодом. Настоящим, не подвальным. Таким, какой бывает в комнате, где только что открыли окно в другой мир.

— Эмма, — голос Киры дрожал. — Давай уйдём. Пожалуйста. Я не люблю, когда двери открываются сами. Это против правил.

— Прости, — сказала Эмма и сделала шаг вперёд.

И в этот момент из темноты вылетела тень. Не страшная, а маленькая, как котёнок. Она пронеслась мимо, чиркнула по Эмме чем-то холодным — и исчезла в щели под лестницей.

А на стене, прямо над дверью, появилась надпись. Не мелом. Не краской. Будто выжженная. И буквы уже не плыли:

«ТЫ ЕЩЁ НЕ ГОТОВА».

Эмма попятилась.

Дверь захлопнулась. Щёлкнул невидимый замок.

Когда они выбежали на улицу, солнце светило как ни в чём не бывало. Листья всё так же висели неподвижно. И только у Эммы руки дрожали, а в носу стоял запах озона — такой сильный, что казалось, будто она только что стояла под молнией.

— Что это было? — выдохнула Кира. — Серьёзно, Эмма, скажи, что ты всё это придумала. Тогда я смогу смеяться.

— Я не придумала, — сказала Эмма. — Но я не буду тебя заставлять верить.

Кира помолчала. Потом взяла Эмму за рукав.

— Ладно. Не буду. Но домой идём вместе. И по дороге купим чипсы. Мне надо чем-то заглушить этот подъезд.

Дома Эмма достала свою тетрадь «СЕКРЕТНО. НЕ ЧИТАТЬ» и написала новую строчку:

Точка входа не пускает. Но она знает, что я пришла. И она сказала: «Ты ещё не готова». Значит, однажды я буду готова.

Под тетрадью, в шкатулке, латунный ключ тихонько звякнул. Как будто кивнул.

Глава 7. Тренировки по-эмминому, или Как не упасть лицом в пудинг

После Кленовой улицы Эмма решила: если точка входа говорит «ты не готова», значит, надо стать готовой. Но не как в фильмах, где герой месяц медитирует на вершине горы и потом одним взглядом ломает кирпичи. Эмма не любила медитировать: ей казалось, что это просто «сидеть и ждать, когда время само пройдёт».

Ей нужен был план. Научный. С пунктами.

Она достала тетрадь «СЕКРЕТНО. НЕ ЧИТАТЬ. ОСОБЕННО ТЕБЕ, ЛЁША МАРКОВ» и написала:

«План „Стать готовой“ (версия 1.0):

Понять, что значит «не готова».

Научиться переходить туда, куда хочу, а не куда захочет дверь.

Чтобы после перехода ноги не были как пудинг.

Чтобы бабушка ничего не заметила. (Это самый сложный пункт.)»

Кира, когда услышала про план, только головой покачала:

— Ты хочешь тренироваться… в переходах?

— Да.

— В квартире?

— Ну а где? На стадионе? Там все увидят, как я исчезаю

и появляюсь.

— Ладно, — вздохнула Кира. — Но если ты исчезнешь навсегда, я скажу, что ты сама так захотела. И что ты оставила мне свой пенал.

Эмма начала с самого простого: коридор. Она тысячу раз ходила по коридору, он был ей знаком, как собственные пальцы.

— Так, — прошептала она, стоя у двери своей комнаты. — Коридор. Прямо. Там вешалка. Там бабушка вешает пальто. Там пахнет стиральным порошком.

Она открыла дверь.

И оказалась… в ванной.

Прямо перед стиральной машиной, которая как раз решила устроить барабанную партию на максимальных оборотах.

— Опять! — шёпотом крикнула Эмма. — Я хотела в коридор!

Стиральная машина будто хихикнула и затряслась ещё сильнее.

Эмма выползла, пока бабушка не вышла из кухни. В коридоре она прислонилась к стене и записала в тетрадь:

«Правило 2.1: Дверь не любит, когда ты слишком стараешься. Если думаешь „только бы попасть в коридор“, она может специально кинуть тебя в ванную. Потому что у неё характер».

На следующий день Эмма решила не стараться. Вообще.

— Я просто открываю дверь, — сказала она себе. — Про-

сто выхожу. Никуда конкретно. Просто… в знакомое.

Она толкнула дверь.

И очутилась на кухне. У холодильника. Рядом с кастрюлей, в которой бабушка варила суп.

Бабушка стояла у плиты и помешивала.

— А, Эмма, — спокойно сказала она. — Ты как раз вовремя. Попробуй, не слишком ли много соли.

— Я… я только зашла, — пробормотала Эмма.

— Зашла — и пробуй. Это не просьба, это приказ супа.

Эмма попробовала. Суп был нормальный. А вот у Эммы в голове всё звенело, и ноги опять стали как пудинг, но не такой вкусный.

— Спасибо, — сказала бабушка. — А то я всё думаю: может, я солю, пока думаю про сериал? Такое бывает.

Потом, когда бабушка ушла в комнату, Эмма села на пол и поняла одну важную вещь: дверь не слушалась мыслей «хочу туда-то». Она слушала… что-то другое. Может, чувство. Или воспоминание. Или даже запах.

В тот вечер она решила попробовать кое-что хитрое.

Она села на кровать, закрыла глаза и стала вспоминать не место, а ощущение. Тёплый пол в коридоре, когда идёшь босиком. Запах стирального порошка. То, как вешалка чуть-чуть скрипит, если задеть. Как в коридоре всегда чуть темнее, чем в комнате, будто свет там устаёт.

— Коридор, — тихо сказала Эмма. — Не как место. А как… чувство.

Она встала, взялась за ручку и открыла.

И попала в коридор. Прямо туда, где стояла вешалка. И даже не упала. Ноги были слабые, но держались.

— Получилось! — прошептала она. И тут же испугалась, что слишком обрадовалась, и дверь сейчас снова кинет её в ванную.

Но нет. Она стояла в коридоре. И пахло порошком. И вешалка тихонько скрипнула, будто подмигнула.

Эмма записала в тетрадь:

«Правило 2.2: Дверь ведёт не туда, куда ты думаешь головой, а туда, куда тянет сердце. Или нос. Или память. Надо ловить ощущение, а не название места».

А потом она заметила кое-что странное.

На стене, рядом с вешалкой, висел старый календарь. Тот самый, прошлогодний, который бабушка не снимала. И на нём, прямо на дате «15 октября», кто-то написал карандашом: «Не ходи одна». Буквы были мелкие, почти стёртые, но знакомые. Точно мамин почерк. Только мама писала так быстро, будто боялась, что кто-то заберёт карандаш.

Эмма потрогала надпись. Карандаш был свежий. Совсем. Как будто его только что провели по бумаге.

А календарь висел тут уже год.

— Мама, — прошептала Эмма. — Ты… ты как-то оставляешь мне подсказки? Даже сейчас?

Ответа не было. Только тихий запах озона, который вдруг появился в коридоре — тонкий, резкий, как будто где-то ря-

дом щёлкнула молния.

И тут из кухни вышла бабушка.

— Эмма, ты опять с календарем разговариваешь? — спросила она. — Он, конечно, мудрый, но советов не даёт.

— Я не разговариваю, — быстро сказала Эмма. — Я… проверяю, какой сегодня день.

— Сегодня пятница, — сказала бабушка и вдруг остановилась. Посмотрела на календарь. Потом на Эмму. Потом снова на календарь.

— Странно, — пробормотала она. — Я точно не писала там про «не ходи одна». У меня рука не такая мелкая.

— Может, это я, — сказала Эмма. — Давно.

— Ты в прошлом году писала на календаре? — удивилась бабушка.

— Ну… я могла.

Бабушка ещё секунду смотрела на неё. А потом вздохнула:

— Ладно. Но если ты опять будешь писать на календаре, пиши хотя бы про покупки. Молоко, хлеб… Это я пойму.

Когда бабушка ушла, Эмма снова посмотрела на надпись. И поняла: мама как-то умудряется оставлять ей знаки. Даже через время. Даже когда её нет рядом.

«Значит, — подумала Эмма, — я не одна. Просто мама помогает издалека. И если она писала „не ходи одна“, значит, мне и правда нельзя ходить одной. Значит, Кира — мой напарник. А бабушка… бабушка знает больше, чем говорит.

И это тоже помощь».

В тетради появилась новая строчка:

«9. Быть готовой — это не про силу. Это про то, чтобы не забывать, кто с тобой рядом. И кто был рядом раньше».

А латунный ключ в шкатулке снова тихонько звякнул. Будто сказал: «Ты на верном пути. Но это только начало».

Глава 8. Переход вдвоём, или Когда тень становится мальчиком

Эмма решила: если дверь слушается не слов, а ощущений, то надо взять с собой самое надёжное ощущение на свете — Киру.

— Ты просто стой рядом, — шептала Эмма, пока они сидели у неё в комнате и Кира нервно теребила край свитера. — И ничего не бойся. Если я вдруг окажусь в ванной — это не я, это дверь вредничает.

— Очень успокаивает, — буркнула Кира. — Особенно пункт про ванную.

План был простой до невозможности: коридор. Тот самый, где пахнет порошком, где вешалка скрипит, где пол чуть темнее, будто свет там устаёт. Эмма хотела не «перепрыгнуть» куда-то далеко, а просто доказать себе: она может выбирать место. И главное — не одна.

— Готова? — спросила Эмма.

Кира кивнула так энергично, что её косичка стукнула её по носу.

— Готова. Но если мы окажемся в шкафу, я официально перестаю быть твоей лучшей подругой.

Эмма закрыла глаза. Не чтобы представить коридор — она перестала представлять места. Теперь она ловила чув-

ство: как босиком идёшь по полу, как воздух чуть прохладнее, чем в комнате, как вешалка тихонько поскрипывает, если задеть.

— Коридор, — прошептала она. — Не как на карте. А как… как будто он меня ждёт.

Она взялась за ручку. Повернула. Открыла.

И они оказались не в коридоре.

Они стояли на узкой лестничной площадке, где свет был странный — не жёлтый, как в их подъезде, а голубоватый, будто кто-то покрасил лампы в цвет зимнего неба. Пахло не порошком и не пылью, а озоном — густо, сильно, так, что на языке оставался металлический привкус.

Кира тихо пискнула и схватила Эмму за рукав.

— Это не наш подъезд, — сказала она, и голос у неё дрожал. — У нас лампы жёлтые. И тут… тут как будто холоднее.

Эмма кивнула. Ноги были как пудинг, но она держалась. Главное — они вместе. Значит, не так страшно.

Площадка была похожа на их подъездную, но будто нарисованную чуть-чуть мимо реальности. Перила чуть выше, ступеньки чуть уже, а на стене висел календарь — не прошлогодний, а вообще без года, с пустыми белыми листами.

И тут Эмма заметила его.

Мальчик стоял у окна в конце площадки. В серой куртке. Тот самый — из кафе «Клюква». Он не смотрел на них. Он смотрел в окно, будто ждал кого-то. Или что-то.

Он стоял неподвижно, как статуя, только ветер — если тут

вообще был ветер — чуть шевелил край его куртки.

— Кто это? — одними губами спросила Кира.

Эмма не ответила. Она не знала. Но знала другое: он был частью этого места. Как будто не пришёл сюда, а вырос из него, как дерево растёт из земли.

Мальчик медленно повернул голову. Не резко, не пугающе — просто как человек, который услышал тихий звук и хочет понять, что это было.

Их взгляды встретились.

У него были глаза странного цвета — не серые, не голубые, а как будто смешанные из обоих, как небо перед грозой. И в этих глазах было что-то, от чего у Эммы внутри всё сжалось не от страха, а от понимания: он знает, что она здесь. Знает, кто она. И знает, почему она пришла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.